

Ирина Борагзова

ГРУЗ

детства

16+

18+

Ирина Борадзова

Груз детства

«Автор»

2023

Борадзова И.

Груз детства / И. Борадзова — «Автор», 2023

Все события являются вымышленными. Любые совпадения с реально существующими людьми, местами или событиями случайны и не имеют никакого отношения к действительности. Данный текст — художественное произведение.

© Борадзова И., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие.	5
Осень.	6
Фрустрация.	19
Красный спортивный костюм.	23
Топливо.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Борадзова

Груз детства

Предисловие.

Книга родилась из личной психотерапии и вопреки всем трудностям. Писать я начала, чтобы нивелировать значимость прошлого. Эта книга – результат работы над ошибками и один из шагов к моему исцелению.

О своем неблагополучном детстве я планировала рассказать в мемуарах на закате жизни. Но будучи на пороге своих тридцати двух лет, я получила неожиданный звонок с напоминанием, о конечности жизни и внезапной смертности.

Когда-то мне удалось выжить в чрезвычайной ситуации. С мучительными воспоминаниями, о трагедии, я пришла к специалистам и была вынуждена снова обратить внимание на свое трудное детство.

Психотерапия давалась мне тяжело. Вместо себя – некогда жизнерадостного, но слегка тревожного человека с чувством юмора, целями и мечтами – я обнаружила сгусток травм, коими жизнь меня щедро одарила. Уподобляясь классикам, что использовали страдания в качестве топлива для своего творчества, я взглянула и на свои травмы, как на капитал.

Эта книга о самом важном и самом опасном периоде в жизни каждого человека – детстве. Детство влияет на всю жизнь, и является ценным питательным ресурсом.

Книга о насилии. Его в моей жизни было так много, что грех не поделиться впечатлениями о пережитом в рассказе. Насилия в моей жизни было так много, что я сделала выводы.

Дети, униженные побоями и наказаниями, лишённые тепла и ласки формируют равнодушное и агрессивное общество, где «сильный слабого съест», «человек человеку волк» и «моя хата с краю»; где ироничная и циничная фраза из комедии: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» воспринимается буквально и как девиз... Не каждый, кто подвергся насилию, становится маньяком и злодеем, но скорее всего каждый злодей и маньяк был подвержен насилию.

Несправедливо наказанные дети, воспитанные побоями, вырастают в раздражительных и озлобленных взрослых с повышенным уровнем агрессии, склонностью к жестокости, насилию и аддикциям. Взрослые, выросшие на культуре силы, редко умеет договариваться.

Проявление жестокости и насилия словно вшиты в культурный код. Легализация насилия происходит через безобидный маленький воспитательный шлепок по *пятой точке*, перерастающий со временем в «бьёт значит любит», а позже вовсе превращается в большую войну.

Дети, наученные примером родителей уважению себя и окружающих, пониманию границ своих и чужих, состраданию, способности брать и нести ответственность, могут сформировать иное общество: сильное и стабильное, надежное и безопасное.

Ребенок – не просто продолжение рода. Каждый ребенок – будущее общества, где родителям сегодняшних малышей предстоит состариться, а став немощными и слабыми, пожинать плоды воспитания своих детей.

Осень.

События одного чрезвычайно насыщенного дня проехали по мне асфальтоукладчиком. Машина разломила и раздробила каждую мою кость, и напоследок получившаяся безжизненная лепешка прошла мясорубку. Не знаю, что травмировало меня больше: внезапный обстрел, убийство человека на моих глазах или допрос, после случившегося.

Пытаясь переварить произошедшее, я только хотела, как прежде, выкурить хотя бы одну сигарету. С *заложёнными* ушами хорошенько затянуться почти невозможно. Пребывая в сильнейшем стрессе, я хуже соображала и не понимала абсолютно ничего... Особенно, что следователи – не защитники, а скорее – нападающие.

– Почему ты ответила, что ничего не видела? – возник вдруг мент у черного входа.

Милиционер кричал очень громко, что я поняла, заметив, как он покраснел и вены на его лбу и шее вздулись. Скукожившись от ужаса, я сидела в компании повара Егора у двери, на пластиковом ящике, что служил работникам кухни табуретом. Я была окутана густым липким туманом, и пыталась, как черепаха спрятаться глубоко в своем теле... Соображать и осознавать реальность было сложно.

«Почему я – что? Я ведь ничего не говорила. Или что-то ответила им, когда спускалась?»

– Ир, послушай! – подошла ко мне Верка незадолго до мента.

С началом внезапного обстрела, обычно неповоротливая Вера, резко запрыгнула в ресторан.

– Скажешь операм, что мы ничего не видели, ладно? – продолжала моя коллега – Так велел директор, нам не нужны проблемы. Слышишь? Камеры наблюдения все равно не работают, они не узнают, где мы были... Ира, ты слышишь меня?

Странно, но, как и всех остальных, я слышала Веру хуже обычного. Она шептала и во мне открылась способность читать по губам.

Во всей этой суеде я думала об одном: «Меня здесь быть не должно. Это же мой выходной! Зачем? Зачем я согласилась выйти?»

Оля, чья смена стояла в этот день, позвонила утром. Как никогда прежде, она целых полчаса настойчиво уговаривала меня выйти на работу вместо нее, а я полчаса держала оборону.

– Деньги лишними не бывают! Пойди, поработай. – подкинула во время моего напряженного разговора Залина.

«Чайевые» в этом ресторане были приличными, а я собирала средства на переезд. И овдовевшая сестра, пользовалась привилегией жертвы и моим желанием быть хорошей. Залина часто без спроса залезала в мой кошелек. По утрам, расплачиваясь в такси, я думала, что накануне недосчиталась своего «чая». В лучшем случае не хватало половины заработанной суммы, в худшем – я находила в своем кошельке несколько сторублевых купюр: на такси, кофе и сигареты. Бывало, днем сестра, невзначай по телефону, сознавалась, что взяла мои деньги на срочные расходы...

Тогда я лишённая воспоминаний о первых четырнадцати годах жизни представить не могла что живу под одной крышей с тяжело зависимым человеком. Лишившись детских воспоминаний об уколах сестры дома после обеда, о многочисленных притонах, куда она меня брала с собой после школы, и которые я показывала маме, когда она снова и снова искала сестру, я настойчиво не замечала очевидного, повзрослев.

– Что это ты опять чешешься, как наркоманка? – в шутку спрашивала я сестру, собираясь утром на работу.

– Да комар укусил. —отвечала она с блаженной улыбкой, продолжая чесаться.

Я смеялась: какие зимой комары?! Ещё более смешным казалось сильное сходство сестры с наркоманами из фильмов и новостей. Так работает отрицание. Я не была готова принять и разглядеть страшную реальность.

Однажды я перестала замечать и реагировать не только, на то, что сестра странно чешется, но и на другие явные маркеры...

После коллеги позвонил администратор. Еще полчаса они с Олей прессовали меня вдвоем. Угрозы штрафами и увольнением не действовали, как и попытки вызвать во мне жалость к единственному официанту на оживленной террасе... Это был мой первый выходной после нескольких подряд смен, и форма нуждалась в стирке. Я собиралась принять свежестроенную ванну, почитать книгу или посмотреть кино, а после хорошенько напиться. Но Оля все же уломала меня подменить ее, пообещав прыгнуть со мной с парашютом.

Устроившись работать в ресторан, я поделилась с новыми коллегами-собутыльницами, среди которых были давние подружки Ольга и Вера, своими планами на лето. Осуществление давней мечты – прыжок с парашютом – входило в летние планы. Олечка загорелась желанием прыгнуть со мной. В пьянках мы сдружились и стали намечать посещение аэроклуба, что откладывалось несколько раз, поскольку женатый мужик моей новой подруги был против ее затеи... Впоследствии Оля свое обещание все же сдержала, и мы прыгнули с парашютами.

Милиционер у черного входа продолжает орать. Егор вскочил со своего места и пошел на мента в гражданском:

– А ты чо тут разорался? Ты вообще кто такой?

Мент ему что-то тихо ответил и показал ксиву. Егор вернулся на *табурет* рядом со мной. Через несколько дней, когда все стихло, я смущенно благодарила повара за участие, что оказалось для меня неожиданностью. «Да я вообще подумал, что это какой-то обнаглевший посетитель...» – как всегда задорно, ответил Егор.

Мент у черного входа стал орать тише. Отвечаю ему как сказала Вера:

– Меня там не было, я ничего не видела.

– Там камеры! – взбесился следователь и побагровел – Мы смотрели камеры! На них видно, что вы сидели напротив! Видно, как вы забегаете внутрь! Вы видели все! – кричит мент. «Это не муляжи? – зажужжал в мыслях вопрос. – Не-т. Не может быть... Какой позор!»

Все шесть лет, пока я работала официантом, я не просто пила, а пила регулярно и много. Во время работы или после. В некоторых местах лихо совмещала. Алкоголь помогал мне засыпать и высыпаться. В двадцать лет от ста или полутора ста -грамм хорошего виски не бывает бодуна. Утром – кофе и я *огурец*.

Алкоголь избавлял от излишней агрессии, тревоги и расслаблял. Запару на работе сложно было выносить без допинга. Поэтому, каждый вечер, после первого «чая» в комодах на полках стояли три коктейля для трех официантов на террасе «виски-кола». Коктейли обновлялись минимум два раза. Над комодами висели, как казалось всем официантам, муляжи камер видеонаблюдения. Прячась от гостей, присев на корточки и вынимая соль-перец или салфетки из комода, я тут же тянула из трубочки свой коктейль.

Услышав от мента, что камеры— не бутафория, я испытала неведомый ранее невыносимый стыд. Представив, как за всем нашим цирком с пьянками в комодах следили те, у кого был доступ к видеонаблюдению, я подумала, что, наверное, было бы лучше обдристаться на людях.

Нас привезли в участок. Все мои мысли были об ушах. После самолёта заложенность проходит быстро. Обстрел произошел больше часа назад, но дискомфорт все еще ощутим...

В небольшом белом кабинете меня посадили за большой и пустой лакированный темно-коричневый стол лицом к двери. Справа у стены спиной ко мне парень за печатной машинкой, перед ним у стены шкаф, напротив шкафа, у противоположной стены стол поменьше. Менты нежно и ласково сказали мне не волноваться. Они объяснили, что зададут несколько обычных

вопросов. Но мне не сказали, что вопросы будут одни и те же и задавать их будут снова и снова... В тот день эмпирически я выяснила, что допрос – пытка повторяющимися вопросами.

Два следователя сменяли друг друга, а цикл вопросов и ощущение собственной ничтожности оставались неизменными. Моё желание давать показания тому, что поспокойнее было проигнорировано. Курить не разрешали. Естественно, я очень скоро, пытаясь хоть как-то защититься, начала огрызаться и паясничать... Следователи не обращали внимание и на мое плохое самочувствие: словно в пустоту я повторяла снова и снова о своих заложенных ушах, о голоде и о том, что соображаю хуже обычного.

Прежде чем привезти в отдел, нам так же криком сообщили, что за дачу ложных показаний и за отказ от дачи показаний, грозит уголовная ответственность. Бармен нашего ресторана оказался по совместительству юристом:

– Ирка! Требуй повестки! – говорил мне тихо Марат, пока менты торопили нас поехать в отдел.

– Скажи, что явишься на допрос в другой день с адвокатом! Не едь сейчас!

Зачем бармен мне это говорил было не ясно. Я не понимала, что мне угрожает и чего стоит бояться. Не знала, что на допросе не действует презумпция невиновности, и там я в любой момент могу стать – нет не потерпевшей и не пострадавшей – а вот подозреваемой – легко. При этом следователь так убедительно орал об уголовной ответственности, что совет обычно улыбочивого бармена – один из немногих дельных за всю мою жизнь – я проигнорировала... И конечно, плохо понимая жизнь, я сомневалась в компетентности бармена, как юриста. Иначе, почему он работает не юристом?!

Явившись на допрос без адвоката, я лишила себя квалифицированной юридической помощи. А сотрудники правоохранительных органов, вооруженные до зубов опытом, знанием юриспруденции и лазеек в законе раздавили меня, как букашку. От меня осталось пустое место. Два представителя правоохранительных органов лишили меня права на безопасность, спокойную жизнь и права на дыхание полной грудью. С помощью *добросовестных* следователей слово “правоохранительные” в моей реальности превратилось в оксюморон.

Меня отпустили через пять часов непрерывных вопросов. Моя коллега Вера целый час сидела свободная и ждала меня. Этот час меня допрашивали два следователя.

Когда мне начали задавать вопросы о личной жизни я, не зная о пятьдесят первой статье Конституции, стала грубить.

– Это твоя сумка? Ее уже обыскивали? – спросил совершенно спокойно следователь, который прежде вел допрос раздраженно и только на повышенных тонах – Ты знаешь, что такое «статья два-два восемь»?

В кабинете повисла гробовая тишина, писарь прекратил клацать печатной машинкой и обернулся. Сумка была далеко от меня и висела на спинке стула в другом конце кабинета.

– Смотри, – говорит мне крикливый следователь совершенно спокойно – или мы обыскиваем твою сумку или ты нормально разговариваешь и отвечаешь на все вопросы.

Выбрав меньшее из зол, я согласилась разговаривать нормально. Жаль я не знала, что в ходе допроса ни следователь, ни дознаватель не имеет права шантажировать, угрожать свидетелю лишением свободы, и такие действия уголовно наказуемы. Попросила из сумки сигарету. Ни сумку, ни сигарету мне не дали. Таким образом, сотрудники воспользовались моим незнанием закона и превышая свои должностные полномочия, допрашивали меня в состоянии сильного стресса и дезориентации, еще и вынудив свидетельствовать против себя.

Не знаю, Верка или я прервала молчание в машине, что везла нас обратно в ресторан. Немного ожив, под конец поездки я стала использовать свой старый способ, не раз помогавший мне пережить непредсказуемость жизни:

– Прикинь, Верка, какой у тебя гость был ответственный... В него стреляли, убивали, а он бежал к тебе в ресторан, оплатить свой счет...

Верка оценила шутку – усмехнулась и грустно вздохнула:

– Они даже не притронулись к своему заказу.

Тогда я, сдерживая истерический хохот, за которым часто пряталось желание плакать навзрыд, шепотом, чтобы не слышал водитель, заключила:

– Так значит он бежал к своему шашлыку! – тут уже и Верка не смогла сдержаться...

Обесценивание трагедий, несправедливости и ужаса, что несет в себе черный юмор, спасает меня всю жизнь.

В ресторане была почти полная посадка, когда нас привезли. Ничто не напоминало о кровавом убийстве, случившемся здесь, около шести часов назад, среди бела дня. В царившей беззаботности и праздности, среди алкоголя и смеха, из телевизоров и по всему ресторану заезженные, и такие родные хиты года: Madcon «Beggin» и «No stress» Laurent Wolf, второй из которых я особенно любила.

Всю последующую неделю я почти слезно просила администратора и барменов, отвечавших за качество звука, убрать мучительное эхо и странные посторонние шумы из телевизоров. Марат – один из барменов и по совместительству мой друг – настоятельно рекомендовал мне обратиться к ЛОРУ... Но, конечно, и к этой его рекомендации я не прислушалась. Однажды неприятное звучание исчезло само по себе.

О произошедшей днем катастрофе напоминали парочка простреленных окон и черный след на асфальте от крови убитого человека у входа в ресторан. Оля все-таки вышла на работу, пока нас допрашивали. Она, высокая и красивая девушка, с зелеными глазами, ярко-рыжими волосами, длинными конечностями и выдающейся грудью, как и я, не любила обслуживать постоянных гостей ресторана. Обычно, всех постоянных – важных и властных – обслуживала не менее важная Вера.

Писать жалобу в прокуратуру на принуждение следователями меня к даче показаний путем шантажа, угроз и превышения ими должностных полномочий в мыслях не было. Радуюсь долгожданному завершению мучительного допроса, я тут же постаралась забыть и его. Элина – психолог, которую я почти два года посещала с булимией – предложила:

– Ира, хорошо бы это всё проработать, проговорить иначе всплывет! Даже спустя много лет может всплыть!

Элина прекрасно знала о чем говорила, ведь она работала с жертвами теракта в Беслане.

– Не всплывет. Не надо ничего прорабатывать. – самоуверенно отказалась я от помощи опытного специалиста, решив все забыть.

Я действительно хорошо справилась с задачей “забыть”. С большим трудом несколько лет спустя, я узнала колоритного повара. Он долго мне напоминал, где именно, мы работали вместе.

Элина оказалась права. С наинеподождаемым телефонным звонком в конце января две тысячи двадцатого детали кровавого преступления по крупинке стали всплывать из глубин подсознания, подобно тому, что не тонет.

– Вы были свидетелем убийства и должны подтвердить свои показания. Когда приедете? – спросил незнакомый голос в трубке.

Я не сразу поняла, что это не шутка. Голос стал напоминать детали случившегося, я моментально ощутила ужас, что пережила в тот жуткий день. Какое-то время я пыталась поверить, что это у меня появились голоса в голове и готовилась окончательно сойти с ума...

Однако перед звонком, следователь приехал в гости к моей маме, что явилось веским доказательством реальности происходящего и лишило меня права уйти с головой в отрицание или спрятаться в укрытии безумия. Следующие две недели кроме ужаса, из подсознания в память стали всплывать подробности чудовищного и кровавого преступления. Однажды

вытесненное, лавиной прорвалось из бессознательного в мою память, и я очутилась в эпицентре ада...

Дорога, где месяц назад напротив нашего ресторана останавливались автобусы с беженцами из Южной Осетии, кому и я в числе нескольких официантов выносила еду и воду, превратилась в огневой рубеж. Для меня началась война. Внезапно и без предупреждения, без новостей по ТВ и радио, ни где-то там в Ираке, Сирии, Чечне и Грузии, а в двадцати метрах от меня.

В солнечный осенний день, когда деревья еще были зелеными, а в голубом небе ни единого облачка, я, вдруг, обнаружила себя на террасе ресторана, сидящей на корточках у родного комода. Закрыв уши ладонями, кричу, в том числе и матом, без стеснения на автоматчиков. Время остановилось. Всё замедлилось.

Прижимаюсь правым боком к стене, лбом – к боковине комода, слева от меня ведется беспорядочная стрельба минимум из двух автоматов. Почему-то стрельба направлена в мою сторону. Звук новогоднего фейерверка... словно возведен в абсолют. Запах, ненавистных мною маленьких петард, что обожают взрывать племянники девяти и семи лет от роду, смешан с запахом, паяльника отца и какого-то металла, что он использовал когда-то в работе. В странном ярком миксе запахов еле уловим аромат моего недавнего приобретения «Funny!» от Moschino. Свою новую туалетную воду, название которой спрашивали все вокруг и даже гости, я брызнула на себя перед работой около часа назад...

Слева меня прикрывает стул с металлическими тонкими ножками, а дальше в полутора метрах от стула – балюстрада. Влево не смотрю. Отлипаю от стены и комода, что меня всё равно не закрывает и поглядываю из-за него в сторону входной двери. Между мной и дверью примерно два метра. Боковым зрением вижу: какой-то страшный мужик со странным оружием и бешеными глазами, бежит к ресторану. Не ясно один ли он, но совершенно ясно, что бежит он нападать и, кажется, он тоже стреляет. Бежит к входу, к которому направлена и стрельба с дороги. Я отчётливо понимаю, что мне, как можно скорее, необходимо прыгать, бежать или ползти к двери, попасть внутрь ресторана раньше этого страшного мужика, чтоб спастись. Находясь в ужасной ситуации, я прикидываю возможные действия и разбушевавшийся вихрь мыслей притупляет парализующий страх.

«Ну ты и придурок! – говорит, ухмыляясь в моих мыслях мама – стул-то железный! Тонкие ножки и плетеная спинка, как он тебя спасёт? Стул тебя не спасет! – продолжает воображаемая мама – Хоть на бок его положи, сидуха пули задержит... Но и это тебе не поможет, так тебя тут сейчас и убьют. При-ду-рок!».

«Нет, не придурок – думаю я – и меня не убьют! Нужно бежать в заднюю часть террасы и сидеть там! Нет, оставаться снаружи опасно... Нужно попасть во внутрь! Как-то спуститься сзади... Высота там метра четыре, если прыгну что-нибудь сломаю точно... Почему там нет лестницы??? Сраной пожарной лестницы?! Или хотя бы дерева... Вся набережная в молодых саженцах, и не одного под балконом! Как бы мне пригодилось взрослое даже старое высокое дерево... Дуб, яблоня, груша, рябина... Дерево... но лучше лестница! Деревянная, веревочная, или канат... Так! У меня же есть фартук! В нем точно есть полтора метра... Плюс ремень! Но ведь все нужно привязать к балясинам уйдёт длина, и время тоже...»

Создавая мысленный шум и отвлекаясь им от ужаса, я решаюсь на поступок. Мужчина приближается. Ненависть и решимость убийцы в его глазах, какую я однажды уже видела... Похоже, что цель этого мужика – дверь в ресторан... Наверное, он собирается убить всех, кто сейчас внутри. И если я останусь снаружи ресторана, он убьет и меня! Понимаю, что путь только один единственный в самом страшном направлении.

«Такое уже бывало. Мне уже приходилось преодолевать препятствия» – глубокий вдох. «Мне и раньше приходилось выживать». Снимаю развязанный ранее длинный фартук. Задерживаю дыхание. Выбрав момент, резко вскакиваю из-за своего комода, несколько нелепых

прыжков, и я – у двери, прыгаю в ресторан, пинаю подпирающий дверь кирпич, дергаю и тяну ручку, смотрю сквозь стекло двери, бегущий мужик со страшным лицом уже на входе террасы, у самой балюстрады и я ловлю мысль: «Как же он так сильно открыл рот и глаза? Разве физически такое возможно?!» – щеколда три раза. Успела! Выдыхаю! Резко разворачиваюсь и быстро отступаю от двери вправо. Прижимаюсь спиной к прохладной стене, которую точно не прострелит ни одна пуля.

Пытаюсь закрыть глаза. Пытаюсь понять, что произошло и поймать ритм дыхания, но глубоко вздохнуть как будто невозможно.

– Ирка! Быстрее закрой дверь! – кричит снизу незнакомый мужской голос.

– Закрыла.

– Ты жива? – другой незнакомый мужской голос.

– Да. Вроде жива.

– Спускайся вниз!

Ноги ватные и непослушные, всё тело странно дрожит. Дрожь, как от мороза в руках, в плечах, в коленях... Лестница, по которой я обычно пролетала быстро и легко, теперь кажется непреодолимым препятствием... Ступени словно из вязкого желе...

Верка стоит у бара. Она что-то рассказывает, размахивая руками, что странно – ей не свойственна эмоциональность; опустошает одну стопку за другой, будто для нее все произошедшее очередной повод выпить. В свои двадцать благодаря маленькому росту и лишнему весу, мелированным волосам и пышной челке из девяностых она выглядит на сорок лет. Вера была старшим официантом, чем очень гордилась, но не сильно вредничала. Ее вздернутый нос, большие розовые щеки, второй подбородок вызывали стойкую ассоциацию и боролись с моей сдержанностью и воспитанностью – я ни разу ей не сказала: «А ну-ка, Вер, похрюкай!»

– Выпьешь? – спрашивает меня Марат.

Обычно, я с радостью принимавшая угощения барменов мотаю головой.

– Воду? Горячий шоколад?! Ирка! Я сделаю, как ты любишь! – настаивает удивленный бармен.

Горячий шоколад со взбитыми сливками я жутко полюбила на прошлом месте работы, где мы познакомились и сдружились с кудрявым и сухощавым Маратом. Часто кланчила у педантичного бармена с орлиным носом любимый напиток, но Марат перестал его для меня готовить, ссылаясь на то, что горячий шоколад на новом месте хуже...

– Нет, спасибо – отвечаю ему на автомате.

Иду к черному выходу через кухню, но выходить из ресторана нельзя. Курю вместе с поварами. Ловлю на себе странные взгляды жалости или сочувствия. Они тихо о чем-то говорят, а я молчу. Курить сложно – при затяжке странные щелчки в ушах.

– С тобой всё нормально? – спрашивает меня хлебница, большая и статная женщина.

– В ушах... Стреляет что-то.

– Рот открой, как будто зеваешь – говорит хлебница, как говорила мама, когда в самолёте закладывало уши.

Я стала шутить про открытый рот, повара смеются:

– О, вернулась! Ты, как зомби была... Мы уже думали, что потеряли тебя.

Вспоминаю: с утра ничего не ела, но меня огорчают новостью, что обеда не осталось. Повара предлагают подождать и собираются приготовить что-нибудь для меня, но я отказываюсь и жую корку хлеба.

После нападения несколько дней я ходила по ресторану, как рыба, открывая рот. Щелчки и заложенность прошли, уши открылись, слух вроде вернулся и этому радовалась вся кухня.

Сотрудники приехали через полчаса и чёрный вход разрешили открыть. А я, обнаружив потери, отправилась на поиски обратно на террасу. За год до кровожадного преступления на собственную зарплату я впервые приобрела себе телефон. Nokia 7500 с треугольными кнопоч-

ками являлся доказательством моей самостоятельности и способности быть независимой от авторитарной матери.

Сначала телефон имел лишь интересную игру, где я на досуге выстроила целый город с золотыми крышами, затем у него появилась и своя насыщенная жизнь. После зверского нападения этим телефоном я сделала видеозапись прыжка с парашютом... И благополучно потеряла драгоценный артефакт вместе с трубкой в такси. Телефон нашёлся спустя год. И выпав из сумки, во время катания на мотоцикле *выжил*, но *сдох* окончательно, упав с невысокого дивана.

А во время обстрела, при первой попытке забежать в ресторан, не понимая бесценность и хрупкость жизни, я пренебрегла собой... И подняла упавший телефон. Затем резко отпрыгнула от двери в укрытие – к комоду за стул. Когда все закончилось, уже в ресторане я обнаружила, что потеряла украшение – стеклянный сиреневый брелок, что гармонировал с пластиковой розовой вставкой по периметру корпуса телефона.

Прошмыгнув на террасу сквозь многочисленных сотрудников, я забрала с комода свой фартук и быстро нашла сиреневый камешек на том же месте, где я роняла телефон. Рядом с пулей. Не поверив глазам, я подняла эту пулю и застыла, глядя на нее.

На мгновение терраса опустела, и я увидела: порог ресторана усыпан дюжиной таких же шальных пуль. А у плиток террасы, между столбами балюстрады у самого входа на животе лежит человек. Странная поза. Черная одежда, как у того, который бежал. По асфальту к плиткам ресторана из-под человека в черном медленно расплзается черная глянцевая лужа. «Нет, это невозможно. Это неправда!». Я не могу отвести взгляд и проваливаюсь в туман. «Это *он*?! *Он* не дышит?! *Он* бежал, чтобы спастись?! И я перед *ним* закрыла дверь? Не-т! Это кто-то другой! У бегущего было ужасное лицо... В его руках было оружие... И он бежал нападать...»

– Ты что тут делаешь? Откуда пуля? – кричит на меня здоровенный седой опер, возникший из ниоткуда, и я поняла, что плохо его слышу – Кто такая? Положи сейчас же пулю на место! И пошла бегом внутрь! Всем там скажи, чтобы никто сюда не выходил, поняла?

Ответив утвердительно, я послушно и машинально зашла в ресторан на еще более ватных ногах, и спускаюсь к черному входу. Мои увеличенные шоком от обстрела глаза, увеличиваются шоком от вида венозной чёрной крови и от понимания произошедшего.

– Ты бы его не спасла. – хоть что-то полезное сказали следователи во время допроса – Он бежал уже подстреленным. У него не было шансов...

Но моя новая *травма выжившего* была не согласна с аргументами следователей, считала иначе и уверяла меня в обратном. Именно *травма выжившего* вынуждала меня впоследствии спасать всех без разбору, даже тех, кто в помощи и спасении не нуждался. В лице других я пыталась спасти единственного человека, которого не знала лично и не имела перед ним ни долгов, ни обязательств. Жертвуя собой, я «держала открытую дверь» перед каждым, лишь бы спасти того единственного, кого спасти было невозможно.

– Ты не знала, как себя вести! Ты не спецназ! Не Рэмбо!

То, что ты спасла себя – уже успех и большая удача! Ты сделала всё, что могла, понимаешь? – настойчиво убеждала меня психолог Тамара много лет спустя, к которой я пришла после тревожных звончков следователя.

– Понимаю – отвечала я ей на автомате.

Тамара оказалась профессионалом: после первой же сессии и давно знакомого мне «горячего стула», с которым моментально ушла плаксивость, и я смогла, наконец, сделать глубокий вдох, рекомендовала мне обратиться к психиатру. Лишь через год я решилась последовать ее рекомендации после очередного звонка следователя и последовавшего регресса...

В очередной раз приступив к психотерапии я решилась на огромную работу одним из результатов, которой является то, что я начала писать. Сначала мысленно я писала завещание

на свое скромное имущество и придумывала способ умерщвления себя, поскольку никаких других путей отвоевать свою свободу и разум я просто не видела.

У черного входа я скукоженно сидела у двери на пластиковом ящике, что служил работникам кухни табуретом. Окутанная густым и липким туманом я пыталась сжаться, и спрятаться, как черепаха, глубоко в своем теле, после увиденного на террасе убитого человека... И вдруг, появился кто-то живой!

– Это ты столько выкурила? – спросил молодой повар.

Пепельница была заполнена целой пачкой выкуренных мною наполовину сигарет. Курить не получалось...

– Там. Человека. Убили. Понимаешь? – говорю я Егору задыхаясь – Мертвый человек на входе в луже крови...

Вне работы мы с Егором и Маратом дружили, нас многое объединяло. Парни не позволяли себе лишнего, вели себя прилично и в их компании у меня не возникало причин сомневаться в существовании дружбы между мужчинами и женщинами. А во время работы Егор был для меня одним из тех веселых и задорных поваров, которых я считала глупыми малолетками и в которых во время запары я металась трехэтажным матом... И он же у черного входа старался меня подбодрить:

– Ир... Постарайся это всё забыть и жить своей жизнью.

– Я закрыла перед ним дверь!

– Но ведь не ты в него стреляла! – настаивал повар...

И Егор был прав. Однако я больше верила своей давней ближайшей подруге – гипертрофированной Вине.

Много лет спустя мой психотерапевт, сказал примерно то же самое:

– Смерть этого человека – вина убийц. Людей, которые в него стреляли, но не Ваша.

Благодаря совместным усилиям с психотерапевтом, имеющим внушительный опыт, мои отношения с иррациональной Виной стали сильно прохладнее.

Когда я немного вернулась в себя и к работе, перестала ругаться даже на косяки поваров, к чему они долго привыкали.

Моя следующая после трагедии рабочая смена наступила через два дня. И я, будучи добросовестным официантом, приступила к вытиранию комодов и столиков на террасе от пыли. Дверки одного из двух комодов цвета венге были покрыты темно-коричневой кирпичной пылью. Прежде я встречала похожую пыль во время ремонта у нас дома. При этом на террасе кирпичи вокруг никто не сверлил... Мимо проходила Вера, и на мой вопрос о странной пыли, что вытиралась почему-то с трудом, удивилась матом:

– ... охренеть! Походу, это *его* кровь?!

Спустя три года по убийству прошел суд, куда я была вынуждена явиться в качестве свидетеля. Выполнив свой гражданский долг и почувствовав долгожданное облегчение, я была уверена, что мне больше никогда не придется вспоминать самый страшный день в жизни.

После чудовищного преступления о своей жажде жизни и свободы я забыла, как и о давнем желании и намерении переехать в Москву или Санкт-Петербург. Хуже стала ощущать усталость и вообще тело. Меньше стала чувствовать и понимать свои потребности. Больше – пить и работать на износ, как робот на автопилоте.

Несколько раз психолог Элина пыталась вернуться к страшной теме, но я, убедив себя, что все в порядке смогла убедить в этом и ее. Она была единственным в моём окружении человеком, кто не обесценивал пережитую мною катастрофу и понимал возможные последствия. Но я прислушалась к мнению большинства и не стала принимать кровожадное преступление близко к сердцу, обращать на него внимание и решила жить своей жизнью...

Это был третий по яркости день в моей жизни. Первые два – день моего зачатия и рождения, которые, к сожалению, я пока не помню. Но свой личный армагеддон... Я не просто его помнила, а словно застряла в нем. При этом старалась забыть его изо всех сил, как страшный сон. Однако, трагичные события впечатались не только в память, но и в мою личность против воли. Весь вытесненный, недопережитый и отрицаемый ужас из подсознания активно влиял на качество жизни.

Естественно, я не осознавала, не замечала ни этого влияния, ни его причин. Выбрав слепость и не принимая реальность целиком, я не могла отслеживать и контролировать влияние катастрофы. С началом психотерапии спустя много лет я обнаружила: травматичное прошлое было моей частью личности, как частью тела, уродующей меня, придававшей поведению странность, жертвенность и неадекватность.

Травма влияла из глубин. Травма управляла моим поведением, а я называла это характером. Происходил дисбаланс: вместо атрофированного спокойствия работала гипертрофированная агрессия. Трудно вдруг осознать и обнаружить себя сломленной растоптанной, когда всю жизнь присутствовало убеждение, что излишняя тревожность, подозрительность, вспыльчивость – это врожденные и неизменные черты характера...

С признанием грубых ошибок, в своих далеких от действительности суждениях, пришло облегчение: характер строится из привычек и убеждений, формируется в процессе жизни и при сильном желании поддается коррекции и обновлению. Грустно признавать: вместо развития и реализации своих способностей и лучших качеств, я тратила жизнь на обслуживание иллюзий и страхов, что взросли на почве чужих ошибок.

Безликий следователь позвонил, когда я насытила настоящее и заполнила планами на будущее всю свою жизнь, нивелируя тем самым значимость прошлого и чужих ошибок; когда я наконец начала жить, а не выживать... И сумела покинуть город, где случилась кроважидное убийство, и который почти четырнадцать лет являлся для меня тюрьмой.

На фоне неожиданного звонка даже никотиновая ломка стала казаться пустяком. Перед звонком следователя я взялась за первый пункт из планов на год “бросить курить”. Пагубную привычку, с которой я жила двенадцать лет все же удалось побороть. Как по расписанию, один раз в месяц, а потом – в две недели, я получала звонки от следователя. И всякий его звонок был неожиданным, внезапным, как сам обстрел и кроважидное преступление. А после звонков мне вспоминался бегущий мертвец с его страшным лицом и снились кошмары.

Следователь испробовал и давление, и обещания, но все это было без толку... Ничто не могло затмить нахлынувший на меня ужас. Вместе с тем, я понимала, если навязчивого или бывшего поклонника можно добавить в черный список и заблокировать без последствий, то с должностным лицом такой фокус будет чреват.

По крупинке всплывали детали, и я тихонько начинала терять связь с реальностью. Меня пугала жизнь в мире, где кровавые разборки могут начаться вообще в любой момент! Как и зачем дальше жить было непонятно... До сих пор я не знаю, на каких основаниях и зачем подняли дело, но точно не для того, чтобы переквалифицировать его в террористический акт, свидетелей – в жертв или потерпевших и позаботиться о тех, кому не повезло пострадать при теракте, но повезло выжить.

Нет, я была не просто свидетелем чьей-то смерти. Я сама спасалась и выживала! И я выжила. Я сумела мобилизоваться, собраться и сообразить, что делать, чтобы не поймать шальных пуль. И выживала я, уж точно не для того, чтобы быть свидетелем чужой смерти, и бороться с ужасными воспоминаниями, а для того, чтобы прожить свою жизнь, молодость, зрелость, старость... Но вот эта вся лирика, мои планы на жизнь и чудеса генетики мало интересовали следователя.

Он позвонил еще два раза и начался карантин, ставший для меня благодатью. Пропала необходимость выходить на улицу, что казалась мне опасной. Пандемия, и возникшие с ней

изменения, отвлекали меня от личной борьбы за право жить... Отвлекали, но не могли затмить страшные воспоминания, что захватили меня в плен.

Из новостей я познакомилась с делом Цкаева. Будучи подозреваемым в преступлении Владимир Цкаев *погиб в больнице* в 2015 году после нескольких часов пыток в здании УМВД по Владикавказу. При этом никаких преступлений убитый не совершал... Я пришла в еще больший ужас, вспомнив и свой допрос. Ещё раз перенести очередное общение с теми, кто открыто угрожал и унижал казалось невозможным. Поэтому социофобия с паранойей зацвели буйным цветом.

Звонки невидимого следователя запустили ре-травматизацию: ужас и боль, которые я, будучи шокированной, не прожила и не прочувствовала “там и тогда”, а послушно проигнорировала, обесценила и вытеснила, накрыли меня тяжелой тушей...

Я застряла в чудовищном мгновении из далекого прошлого. Казалось, что я тоже погибла в обстреле и давно мертва, а вся последующая жизнь – галлюцинация и фантазия. Снова и снова я становилась невольным очевидцем кровавого преступления в своих кошмарах. Во сне и наяву происходило проживание непрожитого. Меня душила вина за закрытую дверь перед бегущим человеком... Ненавидела себя за трусость и необратимую ошибку, ведь я спутала обреченного человека, бегущего к спасению, с опасным нападающим.

А самое главное – появился навязчивый страх, что в любой момент, в любом месте может начаться что-то ужасное, а именно – обстрел. На улице, среди бела дня. Обстрел, от которого мне опять придётся спастись. А вдруг я живу девятую жизнь? И следующая попытка не будет удачной?...

Возникло множество вопросов и к преступникам. Неужели нельзя было найти другое время и место для своих разборок? Неужели не нашлось *гуманного способа убийства*? Почему нельзя было *убрать человека*, обратившись к Лиону из фильма, например? Почему человеческая жизнь, которая каждому достается с большим трудом, чудесная, многогранная и сложная всё ещё является разменной монетой? Почему во то время, когда можно убивать друг друга виртуально в компьютерных играх, всё ещё существует необходимость убивать друг друга в реальности? Почему в тот день маленькие школьницы, возвращаясь домой, были вынуждены в ужасе убежать от обстрела? И почему во времена пейнтбола и суперкрутых водных автоматов все еще используется настоящее боевое оружие?...

Из уроков ОБЖ я помнила про первую помощь, непрямой массаж сердца, искусственное дыхание, и что во время обстрела нужно закрывать уши, голову и ложиться на землю или пол... Желательно подальше от окон. И я вспомнила об этом, прячась за своим комодом. Только *мой обстрел* до последнего казался мне не несостоящим и не опасным. «И чо я, как дура, еще и на грязный пол буду ложиться? Это все не серьезно и щас кончится...» – мелькнула одна из первых мыслей, когда я увидела и услышала стрельбу.

Много позже, после нападения, я узнала, что во время обстрела, кроме ушей, нужно держать зарытым и рот. Однако в самый нужный момент я не нашла в своей памяти информацию о самопомощи и действиях после удавшегося выживания. Мне неизвестно учат ли в школах или семьях, как говорить с людьми, коим пришлось столкнуться с внезапным ужасом и выжить. В основном, я слышала от коллег, друзей, близких: «Постарайся забыть. Живи своей жизнью. Не принимай это близко к сердцу. Всё будет хорошо. Не грусти. Не переживай».

И сейчас я понимаю, из ужасного оцепенения после страшной трагедии, где мне повезло выжить, меня могли спасти слова: Дыши! Дыши глубже! Помни о глубоком дыхании! Дыши полной грудью! Говори! Говори столько сколько тебе нужно! Выговаривай всё, вообще всё! Вдох, выдох, дыши. Матерись если хочешь! Покричи, если это тебе нужно! Я слушаю! Я буду слушать все! Я рядом! Все твои чувства и переживания в этой ситуации – важны! Ты сделала всё возможное! Твоей вины в случившемся нет! Ты сделала все правильно! Ты молодец! Жизнь продолжается! Смотри какая ты умница – тебя ни одна пуля не зацепила! Дыши! Дыши глубже!

К сожалению, так бывает! Но сейчас ты в безопасности! Ты в безопасности. Дыши. Чего сейчас хочешь? Хочешь обняться? А – мороженое?

Самый трагичный день в моей жизни, превратили гигантскую пропасть между мной и нормальным миром, образовавшуюся с течением жизни в неблагоприятных условиях, в бездну. Безвозвратно потеряв немногочисленные, и тем ценные, точки соприкосновения с обществом, я оказалась обреченной на одиночество. Я потеряла остатки адекватности, ориентиры, надежду.

Как ни странно, именно звонок безликого следователя оказался стимулом к психотерапии... Началось мучительное время. Война за рассудок. Подбор антидепрессантов, превращение из клиента психолога в пациента психиатра и психотерапевта... Мне резко исполнилось восемьдесят лет, и я устала жить. Поезда метро, красные светофоры, мосты и окна манили меня, и чтобы не поддаться их зову, я прилагала огромные усилия. Каждый день я заставляла себя жить. Усугубилась социофобия, как и другие страхи. Из глубочайшего морального разочарования в людях, и очередного экзистенциального кризиса взошли ростки мизантропии, и зацвела депрессия.

С переездом в Санкт-Петербург жизнь и новая среда стали настолько меня устраивать, что однажды желание смотреть на реальность через призму алкогольного опьянения, как по щелчку пальцев, исчезло. И даже после звонка следователя не удалось возвратиться к алкоголю: без регулярной практики, навык получения удовольствия от спиртного пропал, усилился мучительный бодун, а страдать я никогда не любила...

Для заземления я вернулась к изучению английского языка и связалась со своим репетитором после долгого перерыва. Чтобы для прошлого совсем не было места в настоящем, я начала изучать еще и французский. Для окончательного отвлечения от новой реальности я решила на преодоление ужаса и паники перед огнестрельным оружием. Из скромного арсенала тира я выбрала старенькую пневматическую беретту.

– Чтобы попасть в десятку, нужно целиться в нижнюю семерку... – проинструктировала меня пухлая и угрюмая девушка. – У пистолета сбился прицел, ему нужен ремонт.

«Как и мне. – подумала я и отказалась от предложенной альтернативы. – Мой прицел тоже сбит».

В психотерапии началась переоценка собственной личности с учётом новых обстоятельств. Я вспомнила: похожий взгляд, полный ужаса и ярости, что вряд ли теперь забудется, впервые я встретила у Репина в картине “Иван грозный...”. Встречала похожий взгляд и в кино. Но взгляд моего бегущего человека был в тысячу раз мощнее, пронзительнее всего, увиденного мною ранее.

Именно в терапии я осознала нелепость фразы “как в кино”. Жизнь первична. Жизнь насыщеннее и ярче, тоньше и многограннее любого спектакля, книги, фильма, фантазии и воображения! Возможно кино, и другие формы искусства ценны именно схожестью с жизнью. Но вряд ли что-то сможет сравниться с непредсказуемостью и спонтанностью, свойственной только жизни.

Реальность одновременно иррациональна и логична, бескомпромиссна и совершенно неожиданна. Впервые я встретила ужасный обезумевший взгляд в глазах своей матери. Мне было шестнадцать, когда она смотрела на меня так же, как позже – бегущий человек. Мама намеревалась меня зарезать.

После прогулки с одноклассником в свои тридцать три, на меня нахлынула ностальгия. Я решила вернуться в одиннадцатый класс и открыла старый личный дневник. Кроме тёплых волнительных воспоминаний, я наткнулась на запись: «...Вчера я чуть не отправилась на тот свет...».

В глазах мамы, кроме ужаса, была ледяная решимость, ненависть, отвращение. Схватив меня левой рукой за волосы, правой она обратным хватом держала внушительный кухонный нож и целясь сверху слева в район моей шеи приговаривала: «Лучше я тебя сейчас убью! Как свинью зарежу! Чтобы больше с тобой не мучаться!».

Причина – хорошая девочка огрызнулась авторитарной матери... Удивительно, я никогда не была трудным подростком. Трудными были мои родители. Приложив максимум усилий, преодолев вину за причиняемую руке матери боль, я, выламывая ее пальцы, выкрутила нож обеими руками.

Не понимая, что делать с маминым покушением на мою жизнь, я обратилась за помощью к учительнице, которой доверяла со второго класса. Ни помощи, ни рекомендаций от взрослого человека я не получила – учительница мне не поверила. Тогда мне помог мой старый друг – Стокгольмский синдром: я как-то оправдала поступок мамочки, и продолжила её *любить*. Происшествие описала в личном дневнике, а воспоминание по старой привычке вытеснила и забыла.

Увидев эту запись в дневнике спустя семнадцать лет, я не могла поверить в написанное своей же рукой и в реальность возникшего воспоминания. Не знаю, как долго я отсутствовала в реальности и сколько литров слез пролила... Без Александра Николаевича – своего психотерапевта – я бы вряд ли смогла пережить этот флешбэк без потерь. Мать неожиданно позвонила примерно через два месяца после того, как я вспомнила о ее покушении на мою жизнь... За три месяца до этого звонка, после очередных моих *неудобных вопросов* она бросила трубку. Мать неожиданно позвонила, чтобы сообщить: те деньги, которыми она мне помогала первое время в Петербурге, когда закончились мои скромные накопления, возвращать не нужно. Мать неожиданно позвонила, и я начала задыхаться от ненависти к ней...

Тут все же нужно отдать матери должное – она не бросила трубку. Более того, она слушала меня около двух недель. Мать слушала меня столько, сколько мне это было нужно, и мне становилось легче. После отрицания и агрессивных попыток обвинить меня во лжи, после попытки убедить меня в том, что у меня галлюцинации, проблемы с головой, моя мамаша начала шутить: «Ну не зарезала же?! Скажи спасибо, что не зарезала! Хотела бы зарезать – зарезала бы!». Однажды, во время очередных моих нападков мама тихо сказала:

– Наверное, в меня тогда чёрт вселился.

И я, не привыкшая получать извинения, тем более от гордой и жестокой матери, приняла это ее объяснение в качестве не очень веского, но аргумента. Мать не стала, как обычно, защищаясь, прятаться в отрицании... И я почувствовала себя живее. Более того, кривым объяснением, мама все же признала свои действия и вернула мне тем самым веру в свою реальность, адекватность и вменяемость.

На мой вопрос имеет ли мать, выросшая в деревне, реальный опыт закалывания свиней, она не ответила. Но это возможно, если судить с какой легкостью моя мамочка рубила кур. Правда не всегда птица гибла с первого раза... Быстро поймав покалеченную курицу, мама тут же исправляла свои недоработки с нескрываемой радостью.

С терапией я избавляюсь от категоричного контрастного мышления: «свой – чужой», «чёрное – белое», «хорошо – плохо». Учусь видеть не только основные и дополнительные цвета, но и плавные переходы между ними, различные оттенки. Возникает интерес к разнице между обыденными понятиями, о значении которых раньше я даже не думала. Одно из последних открытий: насилие – сила, направленная на разрушение, усилие – для созидания.

Я пересмотрела и свою обреченность на одиночество. Моя вынужденная изоляция, обусловленная недоверием и страхом, превратилась в лечебную, даже творческую обособленность и уединение. А вместо потерянных точек соприкосновения с социумом, нашлись факторы, объединяющие меня с людьми, что имеют похожий опыт.

Изменились мои ценности и приоритеты. Появилось осознание своей конечности и ценность жизни возросла многократно. Пришло больше спокойствия и смирения, больше доверия себе. А бытовые хлопоты стали казаться пустяком. Очень многое потеряло важность.

Я долго не признавала свою склонность к насилию и свою садистскую часть. Я отрицала жестокость в себе и считала, что насилие полезно для разрушения и противоречит приоритету человечества – эволюции; и что проявление жестокости сегодня – недоразвитость...

Психотерапия дает мне силы смотреть в свою теневую часть, изучать ее и не пугаться находок. Отрицать в себе негативные черты не просто глупо, но и опасно. Неосознанное, спрятанное в подсознании не поддается контролю и отравляет жизнь.

Свет и Тьма взаимодополняемы и неразделимы... Оба явления – части многогранной, сложной, полной цветов, оттенков, звуков, переходов жизни; их невозможно ни стереть, ни удалить... С тенью легче понимать и воспринимать объем мира. Осознавая свою теневую часть, ее можно контролировать. Умение управлять своими негативными качествами, умение гуманно справляться со своими отрицательными эмоциями облегчает жизнь.

Мне все еще тяжело признать, что Тьма, как и Свет может быть безграничной. Вместе с тем пришло понимание: жестокость, склонность к насилию – часть природы человека. Теневая часть присутствует в каждом. Уровень отрицательных качеств в характере, интенсивность и способы их проявления, во многом зависят от условий становления личности. При этом, как и сама жизнь, любое ее явление существовало до меня и будет существовать после.

Психотерапия помогла мне расслабиться и принять: ничто и никто не может дать мне гарантии на безопасность. Ни в этом мире, ни на этой планете, ни во всей вселенной нет никаких гарантий. Да, жизнь такова, что обстрел может повториться в любой момент. Да, в любой момент и по любой причине я могу исчезнуть.

Однако, вместо концентрации на неподдающихся моему контролю процессах, я направляю фокус своего внимания на зависящие от меня аспекты жизни: отношение к себе и досуг, окружение и привычки, настроение и мечты, профессия и доход, внешний вид и место жительства, хобби и цели. Возможно, имеет смысл на всякий случай пройти курсы специальной подготовки и освежить знания по ОБЖ.

И все же, на сегодняшний день, вместо растрачивания энергии на ужас и отчаяние, я выбрала жизнь с мелочами и рутиной.

Фрустрация.

Во время очередной психотерапевтической сессии я скукожилась в кресле, давясь своими невыплаканными в свои шесть лет слезами. Тщетно сдерживая нервный тремор, принимаю стакан воды из рук девушки психолога – Тамары.

Воспитательница в детском саду дала нам задание слепить что-нибудь на свободную тему. Карина Юрьевна собрала всю группу, чтобы озвучить задание и главное условие: свои работы мы заберем домой и покажем родителям. Затем воспитательница отправилась на очередное очень важное совещание в кабинет заведующей.

Так вышло что пластилин имел для меня большое значение. В

отвлекаться от брошенности меня научили аж в 4! Из круглосуточного детского сада, в который мама возила меня ранее, домой забирали почти всех детей. «Успокоительное» печенье со мной не работало: есть ртом, уже занятым ором, было невозможно. Не спасали меня и мультики, а от танцев воспитательницы под Элвиса, что в других обстоятельствах меня радовали, становилось хуже; под богемскую рапсодию я в истерике бежала одеваться, надеясь, что меня всё-таки заберут... Тогда воспитательница всё же нашла способ меня успокоить. И способ этот до сих пор в моем случае работает безотказно. Она стала подсовывать мне пластилин, краски и новые хорошо пишущие фломастеры. Научила меня сублимации... Полезный все-таки навык. Дает плюс стоицизм к жизнестойкости. Правда теперь интересно, знала ли воспитательница, что, вкладывая в мои руки шмат пластилина, она тем самым меня заземляла?! За примерно 2 года в том саду выработался условный рефлекс. Почти всех детей забирали домой, а я, чтоб отвлечься от ужаса ненужности, принималась совершенствовать навык лепки. И однажды, неожиданно для себя, научилась летать. Правда ценность «пластилина» с тех пор долго превышала ценность человеческих отношений...

В лепке я чувствовала себя уверенно и не упускала возможности поиграть с пластилином ни дома, ни в детском саду. А судя по восторженным реакциям взрослых, детей и по выставленным на всеобщее любование моим работам, лепить у меня получалось хорошо. Правда, мою любовь к пластилину не всегда одобряла мама. Дома она ругалась. Особенно, когда я роняла на рябой ковер маленькие кусочки пластилина, забывала их поднять и, что хуже – наступала... Мои слезные оправдания и уверения, что пластилин я уронила случайно, и уж тем более не планировала на него наступать, не работали. Да еще и табурет, что выполнял роль стола, в качестве моего рабочего места не был удобен...

Лепить за письменным столом сестер мне не позволяли. Вместо организации места для лепки, мама просто орала на меня громче. Под аккомпанемент ее криков и брани мне приходилось выковыривать втоптанное в ковер кусочки пластилина. Иногда мне помогала Карина, ведь и старшие сестры наступали на упавший пластилин. Вскоре ругани мамы стало так много, что дома мне вовсе лепить запретили. Тогда я начала рисовать.

Пока Карина Юрьевна оглашала задание, в моем воображении возник образ русалочки Ариель из любимого мультика. Поэтому я решила лепить её. По ощущениям это была импровизация.

В руках вспыхнул первый в жизни «пожар»! Я быстро вылепила тельце и руки жёлтого цвета, после – шею и голову. Соединила. Сформировала хвост из зелёного пластилина и прилепила его к телу; следом — синие ракушки на грудь, как в мультике! Далее, беру кусок красного пластилина формирую шарик ладошками и расплющиваю его на столе. Получившийся блин дорабатываю пальчиками – волосы готовы. Надеваю эти волосы, как шляпу, на голову русалочки поправляю их и прижимаю. Приклеиваю к лицу малюсенькие черные полукруги – глазки. Добавляю красный маленький полукруг – улыбку.

Сгибаю свою русалочку и сажаю ее на большой камень из куска смешанного пластилина неопределённого цвета. Всё! Я довольна своей работой, да еще и завершённой удивительно быстро.

Во время лепки ко мне подбегали ребята посмотреть на процесс. Многие смеялись из-за ракушек на груди русалочки. Моя Ариэль из пластилина очень похожа на любимую героиню из мультика! Я удивляюсь и радуюсь, что получилось так же, как в моем воображении.

Возникло желание слепить друга Ариэль – Флаундера и вопрос —смогу ли слепить вредного Себастьяна... Представляю, как покажу маме свою красивую русалочку, и она обязательно разделит мой восторг.

Воспитательница вернулась в группу. Она, как всегда, скорчила брезгливо-недовольно лицо и стала медленно осматривать то, что мы слепили. Любимчики Карины Юрьевны – Коля и Боря – с нетерпением ждали ее реакции на мою работу. Они суетились и подгоняли ее к моей работе.

– Карина Юрьевна! Там Ира голую женщину слепила! Русалку! В лифчике! – выкрикивали они по очереди.

Я начала беспокоиться: «Может быть ракушки это— лишнее?». Воспитательница томно двигалась по группе, и мы дружно перемещались следом за ней. И вдруг все вместе остановились у медведя с бочонком мёда, слепленного Жориком. Коричневый медведь был абсолютно гладким и почти глянцевым, без отпечатков пальцев на пластилине. А маленький бочонок мёда жёлтого цвета был как будто из настоящих деревянных досочек! На бочонке даже имелась надпись «мед»! Выражая восхищение, я стала задавать Жорику вагон вопросов в секунду про его медведя... А Жора с улыбкой рассказал мне по-секрету, что мама водит его на лепку и этого медведя он уже сто раз лепил!

Позже он научил и меня добиваться такой же гладкости пластилина, что оказалось не так уж и просто. Долгое время я пыталась понять, зачем мама Жорика водит его на лепку.

– А тебе дома не разрешают лепить? – спрашивала я с сочувствием.

– Разрешают. – удивленно отвечал Жорик.

– А пластилин дома есть? – не унималась я и представляла, как он тоскливо смотрит в окно...

– Да. Разные цвета, тут нет таких! Я принесу тебе.

– Хорошо. Но тогда зачем тебя водят к какой-то незнакомой женщине?

– Она мамина знакомая и учит меня лепить.

– Ну все же умеют лепить!

– Вот смотри, это она она научила меня правильно лепить.

Медведь, которого Жорик слепил при мне, был очень красив. Но мысли о той женщине, что учит Жорика лепить долго волновали меня. Я расспрашивала его о ней, поскольку сама опасалась чужих и малознакомых женщин, ведь я не знала, чего от них ожидать...

Часто мама забирала меня из садика и приводила к себе на работу, что я обожала! От турникета на проходной и от просторной бетонной площадки, на краю которой располагалась настоящая грузовая машина на постаменте, я была без ума. Каждый раз я спрашивала маму и остальных взрослых: «Зачем там этот старый грузовик?». Все отвечали по-разному, и я так и не поняла цель того памятника... Все что мне оставалось – наслаждаться впечатляющим видом, какой имели и военные истребители у спортивного клуба “Подвиг” на берегу Магаданки.

Стены маминой работы были увешаны серыми железными шкафчиками похожими на нашу настенную аптечку. На дверках этих шкафчиков были окошки, а внутри —большие разноцветные кнопки, некоторые из которых мне разрешали нажимать. Множество черных проводов разной толщины змеями извивались по потолку и стенам. На столе электрический чайник и железные подстаканники. Над столом большой плакат с четырьмя мужскими лицами.

Один из мужчин на плакате с длинными волосами в круглых очках острым носом и тонкими губами. Никогда раньше я не видела мужчин с длинными волосами, поэтому бежала к тому календарю с порога. Одна из маминых коллег угощала меня вкусным чаем с булочками или бутербродами и помогала прочесть надпись на плакате “The Beatles”. Букву “В” я знала – в садике мы учили стихотворение на английском про баттерфляй.

Та женщина встречала меня сдержанной улыбкой вопросами про детский сад, часто что-то вязала спицами, как мама. Иногда она резко вставала открывала железную дверку и сосредоточено нажимала какие-то кнопки. Она громко говорила по зеленому телефону, с крутящимся диском, как у нас дома, и делала записи в большой специальный журнал.

Одна из дверей на маминой работе вела в огромный гараж с высоченным потолком и ямами в полу, куда спускались мужчины, чтобы полюбоваться своими гигантскими машинами снизу и постучать по ним инструментами. В гараже пахло машинным маслом, и я мечтала побегать между глубоких ровных ям. Но мама всегда крепко держала меня за руку и лишь несколько раз подводила поближе к ямам. Мама обещала, что разрешит и побегать между ям, и спуститься в них по интересным ступенькам, когда мне исполнится семь лет.

Единственная причина по которой я не любила мамину работу это тётя Надя. Мама забирала меня из садика и первым делом я спрашивала ее работает ли сегодня тетя Надя, чтобы подготовиться к отвратительной встрече заранее и продумать план действий... Но придумать ничего не получалось.

Тётя Надя была самой страшной из всех маминых знакомых. От нее так же, как и от папы воняло водкой и сигаретами. Она громко разговаривала и смеялась своим прокуренным голосом и была вся какая-то опухшая. Её тонкие губы были криво накрашены ярко-розовой помадой, а размазанная тушь ее вовсе не украшала. То рыжие, то белые волосы торчали в разные стороны и похожа она была на Бориса Моисеева из телека.

– О, Иришка, привет – здоровалась она и резко засовывала руки под свою одежду.

Время замедляется и вот я снова вижу ее белый живот, затем бюстгальтер, дальше – ужас и отвращение. Мама стоит рядом и хохочет.

– Смотри, смотри на мои сиськи! – смеется тетя Надя – Мужика у меня нет, детей тоже, сиськи показывать некому! Хоть тебе покажу ёпрст...

Взрослая женщина пихает мне в лицо свою обнаженную грудь... Эта грудь так близко к моему лицу, я отворачиваюсь, морщусь, но её моя реакция не останавливает.

– Ну ёпрст, что не нравятся мои сиськи? Чо ты не смотришь? А, Иришка? Мамкины лучше? – громко хохочет тетя Надя и трясет свою грудь над моим лицом, которое я закрываю ладонями, чтобы это прекратилось.

– Надя, ей не нравится не видишь, что ли? Прекрати давай, а то опять она будет плохо спать. – робко делает замечания мама.

Тетя Надя наконец прячет свою грудь, продолжая мерзко хохотать и материться.

– А вот «шурупу» мои сиськи нравились, когда она была в твоём возрасте!

Мою старшую сестру Залину тетя Надя почему-то звала «шурупом». Термины и новые слова я различала плохо... Поэтому представляла гайку из папиных инструментов. Иногда тётя Надя болела. Тогда я расслаблялась и наслаждалась пребыванием на жутко интересной маминой работе.

Незаметно вся группа подошла к моей русалочке, и все стихли. Дети из толпы стали шептать и выкрикивать:

– Она не сама лепила! Из дома принесла! Ей помогала Карина Юрьевна! – слышала я у себя за спиной голоса одноклассников.

– Она лепила сама, я видела! Ей никто не помогал! – храбро заступилась Алиса, которая сидела слева от меня и наблюдала за всем процессом лепки.

Всем интересна моя русалочка! Ракушки и волосы, хвост и маленькие глазки с красной улыбкой. Наконец я расслабилась и обрадовалась проделанной работе еще больше.

Вдруг воспитательница молча схватила подставку с русалочкой и подняв ее высоко над нашими головами, стремительно понесла мою работу из группы. В моем горле застрял ком слов. По неизвестной мне причине я не могла произнести ни слова, но хотелось кричать: «Куда? что не так? верни!». Я не знаю, как реагировать, и что делать... Со мной подобное впервые! Но я бегу за воспитательницей вместе с другими детьми. Только они чему-то радуются, а я – нет... Карина Юрьевна скрылась за дверью кабинета заведующей. Все вернулись в группу, а я осталась ждать у большой двери, обитой дерматином... Ковыряла железные кнопки. Долго решалась постучать, слушая их громкий смех.

«Может воспитательница забрала русалочку из-за этих ракушек на груди?! Но в мультике тоже ракушки...» – пытаюсь понять, что же не так я сделала, готовилась, что меня отругают, но русалочку вернут и тогда я отлеплю эти ракушки, чтобы еще и мама с папой не ругались.

Дверь открывается спустя вечность. Воспитательница выходит без русалочки.

Помню её улыбку и вопрос, типа: «Чего это ты тут стоишь?» Я не смогла ничего сказать. И заплакать тоже не смогла. Дальше – густой туман.

Мне не вернули мою работу. И мама так и не узнала о её существовании. Той русалочки уже и нет вовсе – пластилин недолговечный материал. Возможно, я лепила русалочек и в будущем, но ни одна не была той – первой.

Мне не позволили полюбоваться результатом моего труда, лишили возможности наиграться, повосхищаться вдоволь и проститься. Растоптанность несправедливостью коснулась меня слишком рано. Нелепая и, казалось бы, пустячная потеря, поселилась в моем подсознании, росла вместе со мной и сжирала внушительную часть жизни, без моего ведома. Ощущение безвозвратной и не прожитой утраты настигло меня сквозь много лет.

В кабинете психолога повисла мертвая тишина. Я посмотрела на множество мокрых салфеток вокруг себя – мой личный индикатор глубины переживания. Это была одна из самых эмоциональных сессий за многолетнюю терапию – вокруг был целый океан слез... Вернуться в «здесь и сейчас» было сложно. Сил не было, и плакать было больше нечем... Была горькая обида, ощущение фрустрации и вопрос, занимавший всё во мне: «Ну как же так?!».

Тишину прервал тихий, твёрдый голос психотерапевта:

– Слепи себе эту русалочку. Позволь себе это. Позволь себе обладать ею.

Я ошиблась. Слез хватит еще на несколько океанов.

Красный спортивный костюм.

С того момента, как в кабинете психолога я осмелилась встретиться с вытесненным грабежом моей русалочки, прошло время. Воспоминание обросло подробностями.

Произошло это ещё и потому, что я решила последовать рекомендации психолога и слепить русалочку. В процессе лепки произошло несколько важных для меня открытий. Одно из – тело тоже обладает памятью! Моторика и ощущения хранят воспоминания.

Удивительно что разминание в руках пластилина оказалось своеобразным якорем, связью с подготовительной группой. Пластилин был настолько податлив в руках, словно я лепила из него на протяжении всех двадцати шести лет после садика каждый день.

Когда меня перевели в новый сад, я встретила своего давнего друга Жору. Мы вместе посещали ясли. Он меня узнал, и, во время моего знакомства с остальной группой Жорик встал из-за круглого голубого стола и объявил всем, что будет меня защищать, и чтобы никто не смел меня обижать. От чего Жорик собирался меня защищать я не знала и даже не могла предположить.

Жорик провел мне экскурсию по группе показал аквариум, игрушки и красиво сплетенные кармашки и подвесы для цветов из белых верёвочек. В кармашках хранились цифры счетные палочки и книжки. Жорик рассказал: это все сделала его мама! Он пытался объяснять и показать мне, как это плетется с помощью каких-то деревяшек... Из его объяснений я ничего не понимала, но эти кармашки и подвесы для цветов с кисточками были похожи на узоры, которые умела вязать моя мама спицами и крючком.

Про красивые кармашки с кисточками я рассказала маме, а она показала мне картинки в журналах и назвала это все—макrame. К сожалению, мама плести макrame не умела, зато умела вязать теплые носки и кофты, юбки и ажурные салфетки. Всякий раз любуясь кармашками в садике, я думала, что у Жорика есть напоминание о его маме даже тут, а у меня ничего нет. Давным-давно у меня был зеленый жакет, связанный мамой. Жакет на замке был очень теплым, и мама перевязывала его по мере моего роста. Я носила его в яслях и в прошлом садике. Замком жакета нянечки и сестры часто больно цепляли мой подбородок. А сейчас мама заканчивает вязать папе зеленый пуловер с косами из жакета, ставшего мне маленьким.

В новом саду мне часто было одиноко и грустно. Ни аквариум, ни черепашки ниндзя Олега, ни игры с Алисой и с Жориком не спасали меня от странной тоски. Я боялась, что и в новом садике, как в двух других меня будут оставлять с ночевкой. Самым страшным было ожидание мамы. В яслях забирали почти всех детей, одного из первых – Жорика, а я неделями в ужасе оставалась брошенной матерью.

После яслей я очутилась в другом садике на Билибина. Он был далеко от дома, у моря. К морю мама так меня и не сводила. На мои просьбы отвечала, что зимой море покрыто льдом, там холодно и нечего делать. В садик и домой мы часто ездили в папином автобусе, в котором он работал водителем. Зимой, в дороге было так темно, что я не понимала, зачем меня возят в садик и обратно именно ночью?!

Мешала жить и жуткая каракулевая шуба. Пребывание в твёрдой, жаркой, тяжёлой шубе было кошмаром. Коричневая шуба была тёплой, но непрактичной: во время прогулок на неё налипал снег, и шуба становилась еще тяжелее... Воротник туго сжимал шею и как объяснить это маме я не знала. Она говорила не плакать я и не плакала, а тихо страдала. Затем мне перестали застегивать тугой воротник на крючки и появился волосатый, колючий шарф. Суровой зимой папиным сине-красным шарфом мне закрывали рот и нос. От дыхания шарф дубел, кололся меньше и покрывался снаружи льдом. Только из-за этих интересных метаморфоз и возможности отколупывать дома лёд от шарфа я носила его смиренно.

Усложняла жизнь зимой и противная бельевая резинка от варежек, что мама цепляла к петельке шубы. Резинка путалась в рукавах и нужно было приложить усилия, надевая шубу, чтобы резинка не мешала. Мешали жить и шапки, надетые одна на другую. Верхняя шапка кроличья досталась мне от старшей сестры. Как и варежки, меховую черную шапку фиксировала белая бельевая резинка, обвивая мою голову от подбородка до макушки. Резинка, от резких поворотов головы, соскакивала с шапки и больно била меня по носу... Однажды мама все же заметила, как сложна моя жизнь, и пришила наконец к шапке пуговицу вместо резинки. И все равно одеваться в садик, потом раздеваться, снова одеваться на прогулку и раздеваться после, для меня было мучительным и невыносимо нудным процессом.

Из яслей в саду у моря был Саша. Вместе с ним я пережила пятидневку в яслях. В моем втором саду Саша много баловался, и я вместе с ним. Однажды, воспитательница схватила непоседливого Сашу и собрала всех детей вокруг. Она держала Сашину голову боком, и говорила громко и угрожающе, что у каждого, кто балуется, будут такие же закрученные уши, как у Саши:

– Смотрите внимательно! Видите, какие у него уши?! Это потому, что он балуется и шумит!

Следом воспитательница приводила противоположный пример, обращая наше внимание на маленькие уши тихой девочки, поясняя при этом:

– Вот у неё красивые ушки, потому что она не балуется и не шумит!...

Мы всей нашей средней группой настороженно, почти в ужасе, разглядывали уши испуганного Саши, который стоял, как никогда смирно. Встревоженно мы спрашивали мнение воспитательницы об ушах каждого...

Саша был подавлен: с ним никто не хотел играть. А я долго изучала его уши, чужие, беседовала с ним о его беде, и старалась убедить, что с его ушами всё хорошо: они почти такие же, как у остальных детей, только чуть-чуть другие. После долгих разговоров Саша мне поверил, приободрился и мы снова стали радостно орать и бегать по группе.

За беготню воспитатели нас ругали и ставили в противоположные углы. Мы переглядывались через всю группу, но за это нас тоже ругали. Меня – вдвойне. Говорили: «Ты же девочка! Красивая, воспитанная, аккуратная! Зачем ты балуешься с Сашей? ...»

Стоять в углу и испытывать стыд мне не нравилось, воспитатели ябедничали маме, поэтому приходилось уговаривать Сашу баловаться и бегать потише. Взамен он просил меня играть с ним в машинки. В основном это были гонки и аварии. Да, мой друг был чуток беспокойным. Зато, у него были голубые глаза как у папы. И фамилия интересная.

В этом садике многое отличалось от яслей. На горшки мы ходили отдельно от мальчиков. И это не казалось странным или тревожным до тех пор, пока Саша не пошёл на горшок один. Вне положенного времени. Закончив свои дела, он вышел в группу за помощью взрослых. Со спущенными колготками. Я смотрела на его растерянное лицо, а потом я увидела под его футболкой нечто, чем он отличался от меня и от всех кукол. Воспитательница подлетела и быстро унесла его к горшкам. А я осталась в задумчивости, перебирая всех пупсиков и кукол. Ни у одной куклы, ни у мальчиков с короткими волосами, ни у девочек с бантиками ничего не было между ног. Поэтому я решила, что с моим другом что-то не так.

В том же далёком саду у меня впервые отобрали мою работу – фиолетовую хризантему. Это была первая масштабная, трудная и серьёзная работа. А делали мы её для мам. Нужно было скрутить и склеить конусы из готовых, маленьких, цветных квадратиков бумаги, и приклеить конусы на круглое основание из картона. Нам дали посмотреть очень красивый образец! Я беспокоилась и старалась – для меня предельно важно было порадовать свою маму. Я надеялась, что если склею аккуратно и правильно хризантему, то мама больше не будет оставлять меня в этом садике ночами.

Папа регулярно работал вахтой на трассе. И он не знал, что и я во время его вахт жила вне дома. Сначала – в яслях, а потом и в другом саду. Однажды утром меня из яслей внезапно забрала Карина. Ей было одиннадцать лет, а мне два. На улице было холодно, но Карина была в одном платье. Почему-то она не одела и меня. Как и в яслях, я орала изо всех сил на весь «Автотэк», от обиды и внезапной радости, холода, голода и желания сосать соску одновременно с ором... Карина несла меня домой окольными путями, чтобы папа не увидел нас из окна квартиры. Несколько остановок в подъездах «китайской стены». Сестра прыгала, чтобы согреться.

– Скажешь папе что была у Светы поняла? – повторяла Карина снова и снова.

Я соглашалась, и сестра мне возвращала соску, которая по дороге из садика неоднократно падала. По дороге домой Карина проверяла, как я усвоила материал. Забирая соску, она меня спрашивала раз за разом: «Где ты была?».

Папа вернулся с вахты раньше времени. Мама сказала папе, что я у соседей сверху и отправила Карину сбегать за мной в ясли в одном платье. Чтобы у папы не было вопросов... Это был май. Погода в магаданском мае колеблется от нуля градусов до десяти.

Дома папа очень ругался и кричал. Но я орала сильнее. Он не выпускал меня из рук, обнимал, укачивал и возмущенно спрашивал маму: почему я такая грязная, почему от меня воняет и почему я так исхудала. Мама отвечала, что отлучает меня от груди.

И жаль я не могла вмешаться в их разговор и рассказать папе, что мама меня не забирает из яслей, а там я ничего не ем, потому что постоянно сосу соску. Соска помогает мне пережить ужас и брошенность. А за то, что я не ем меня наказывают, раздевая догола. Чья-то мать угостила меня печеньем, и я не могла его съесть, поскольку для этого нужно было вытащить изо рта соску. А соску я достаю только, чтобы докричаться до мамы у входной двери. Но моя мама меня не слышит. Чья-то мать, аккуратно вытирая мое лицо своим вкусно пахнущим носовым платком, возмущенно спрашивала няnek: «Вы их тут вообще моете?!».

А чтобы я не чесалась из-за своего диатеза одна безумная нянька связывает мои руки бинтами: перед собой, за спиной или над головой. И обе няньки зачем-то привязывают меня и остальных детей на ночь к кроватям. Когда привязывали только меня, то после ухода няnek меня пытался развязать Саша, а если развязать не получалось, он чесал меня сам.

Папа продолжал ругаться на маму, а я захотела спать. Он пах своей кожаной курткой, сигаретами и одеколоном. Папа взволнованно проверял мое горло, потому что голос мой охрип. Просил меня покашлять, щупал шею, светил здоровенным и ярким фонарем мне в рот и спрашивал, что у меня болит. Но болела у меня только душа, а как это выразить словами я не знала.

Папа решил, что отлучать меня от груди еще рано и, если ребенок просит нужно кормить. Может и голос восстановится. Так мама иногда подкармливала меня грудью до моих трех лет. Но голос так и не восстановился. Хрипота ослабла, но осталась со мной.

Позже, из тех яслей сделали военкомат. Что было удивительно, ведь я долго вспоминала свои ясли тепло, и об ужасах, происходивших там, не помнила ничего. «Военкомат? Это почему так?» – спросила я в одиннадцатом классе маму.

– Там была незаконная пятидневка. – сухо ответила она.

О том, что и я неделями жила в тех яслях, мама не сказала ни слова. Не говорила мне мама и о том, что и в далеком саду на ул. Билибина я жила неделями. И лучше бы все эти страшные воспоминания, ощущения беспросветности и брошенности не воскресали внезапно из детской амнезии. И лучше бы я никогда не вспоминала, как мама, забирая меня из садика у моря, часто пугала: «Если ты скажешь отцу, что ночуешь тут, я тебя больше не заберу!».

Зато понятно и папино недоумение по поводу моей неспособности говорить на родном языке родителей. Перед своими вахтами папа просил маму говорить со мной на осетинском, как это делал он. Но мама просьбами отца, как и мной пренебрегала... Зато мама, забирая

меня с очередной моей вахты, по дороге на остановку и в автобусе, пыталась наспех впихнуть в меня все бытовые осетинские слова. Конечно, эти ее попытки были тщетны. И я, возвращаясь домой, оказывалась на другой планете... Ведь папа говорил на непонятном языке, мама и сестры понимали и отвечали ему, а я не понимала никого.

Когда папа работал в городе, мама забирала меня каждый день. Сашу забирала гораздо реже. Мама меня одевала и уводила, а Саша оставался в группе. Он не плакал, как плакала я в яслях, когда моих друзей забирала домой их мамы. Утром мама приводила меня обратно в садик, где Саша бывал непривычно тихим и сидел на одном месте. Играть со мной он начинал не сразу.

Скручивать и склеивать конусы для хризантемы мне было легко. Только вот дети по обе стороны от меня скручивали трубочки, и я с испугом подумала, что не поняла задание, и не знала, как быть... Но воспитательница меня успокоила:

– Ты всё делаешь правильно, продолжай скручивать, как начала.

И когда я собрала все свои конусы и склеила их, неожиданно получился цветок, даже красивее белого образца!

Тогда я впервые испытала приятное удивление и даже шок. Мама, которую я очень ждала, увидев мою работу, отреагировала сухо: «Давай оставим твою хризантему в саду? А то, как её нести, ведь она развалится по дороге?!». Я начала ныть, и мама положила, наконец мою работу то ли в сумку, то ли в пакет. Вдруг подошла воспитательница. Она, улыбаясь, нежно и ласково нахваливая и поглаживая меня, уже одетую, по шапке, попросила маму, по непонятным для меня причинам, отдать ей мою работу. Мама, с нелепой улыбкой, достала мою хризантему из своего пакета. Они говорили на взрослом языке, а я собралась плакать, тогда мама, как всегда, меня успокоила:

– Ииииира! Это что такое? Как тебе не стыдно? Ты же уже большая?! Не жадничай! Этот цветок просто останется в саду, а дома ты ещё сделаешь! – и отдала воспитательнице мою первую, серьёзную работу ...

В автобусе я всё равно хорошенько поплакала! Но хризантема действительно осталась в садике и иногда я её видела. Сложно сказать, изменил ли тогда бумажный цветок мою жизнь, перестала ли мать бросать меня ночами в том саду, но творить я любить не перестала.

В том же садике на пятилетие жизни мне подарили калейдоскоп, и я познакомилась с миром психоделии. При любой возможности я залипала в свою новую интересную игрушку. И ни один раз я воевала из-за калейдоскопа со старшими сёстрами. Это был один из самых лучших и важных подарков в моей жизни.

Неожиданно, меня разлучили с Сашей. Меня снова перевели в новый садик, поближе к дому и к маминой работе. Разлуку с другом мне помогла пережить неожиданная встреча в новом саду с Жориком из яслей.

В новом саду нас было две воспитательницы. Они работали по очереди. Одна постарше и поменьше Валентина Ивановна. А вторая помоложе и покрупнее Карина Юрьевна.

У обеих воспитательниц были сестры близняшки и этот факт меня здорово удивлял. Я доставала родителей вопросами: где их близняшки, где близняшки старших сестер и когда близняшка появится у меня?

В один из первых дней моего пребывания в новом саду Валентина Ивановна, та, что поменьше и постарше, посадила меня за отдельный стол и положила передо мной настоящие ножницы!

Задания с ножницами в прошлом саду я не любила. И даже опасалась. У мамы были огромные и страшные портновские ножницы. Она регулярно стригла мне ими ногти, пока

я наконец не оформила свой ужас в слова! Тогда мама стала использовать для моих ногтей маленькие маникюрные ножницы.

Валентина Ивановна велела не хватать ножницы сразу и стала объяснять мне какое-то задание, пока все остальные дети играли в группе... Тоскливо поглядывая на играющих детей, я не понимала зачем вырезать из квадратов кружочки. Затем она взяла ножницы и начала быстро и ловко вырезать различные фигуры. Все мое внимание сконцентрировалось на руках воспитательницы! Игры детей, аквариум в группе потеряли привлекательность и важность.

Эта Валентина Ивановна сразу мне понравилась! Наконец я взяла ножницы. Воспитательница не сводила глаз с моих рук и мягко прогоняла от меня других детей, проявлявших интерес. Они без конца по очереди подходили и спрашивали:

– Что это ты делаешь?

Мне хотелось отвечать “не знаю”, но я отвечала:

– Вырезаю из квадратика кружочек. – отвечала я с недоумением.

– Зачем? – новый вопрос.

– Не знаю...

Дела шли туго. Ножницы жевали и рвали бумагу, а я отвлеклась. Мне хотелось бегать по группе или разглядывать аквариум. Я не понимала, что эта воспитательница от меня хочет, и уже готова была расплакаться, но в какой-то момент ножницы стали резать бумагу – я начала ими управлять и у меня получился кривой круг!

Следующий круг получился ровным только очень маленьким. Валентина Ивановна взяла мой маленький круг, улыбнулась и предложила мне попробовать вырезать такой же, но покрупнее. Несмотря на усталость, я согласилась. Вырезала и наконец-то пошла играть в группу.

Некоторые дети меня злобно спрашивали:

– Что это ты там делала, почему, зачем? Почему только тебе дали ножницы, а нам не дали?

На их вопросы у меня ответа не было. Это был момент, когда меня впервые отрезали и отделили от коллектива. Не все ребята были готовы со мной играть, когда я вернулась в группу. Пока их непонятная обида и недовольство не прошли, я сидела одна возле аквариума. Один час или одну неделю.

Роль изгоя мне была чуждой. Обычно я любила играть с другими детьми, а не стремилась быть особенной, самой взрослой и умной, как например Олеся... Эта девочка умела читать с пяти лет, редко бегала и играла с нами, чаще листала с важным видом красивые книги, называя нас “малышней”, хотя даже по росту она не была в числе высоких! По просьбе Олеси воспитатели собирали всех детей и требовали тихо и внимательно слушать ее чтение. Олеся сидела в центре группы в красивом платье читала бегло, но неразборчиво; кривлялась, подражая интонациям взрослых. Для нас это было откровенной пыткой. А сама Олеся выглядела довольной, пребывая в центре внимания и группы.

С другой воспитательницей похожей на большую куклу сложились совершенно противоположные отношения. Рядом с Мариной Юрьевной я испытывала страх и волнение. Похожие чувства возникали, когда самая старшая сестра, очень убедительно рассказывала про вампиров, про Фредди Крюгера, полтергейста, Джека потрошителя и про то, что меня взяли из детдома. Сестру тоже звали Карина, но в противовес страшилкам, она часто рассказывала мне сказки перед сном, носила на руках и катала, как лошадка, взбивала вкусный гоголь-моголь и жарила не менее вкусные гренки с сыром.

Также у меня было ощущение, что эта воспитательница корчила свое лицо в недовольной mine специально для меня, а улыбалась только своим любимчикам – Коле и Боре. Тогда же я стала подозревать, что не все взрослые испытывают ко мне симпатию и не все хотят обо мне заботиться или хотя бы улыбаться.

Перед историей с грабежом моей русалочки произошло событие, задавшее вектор нашим отношениям с Кариной Юрьевной. После происшествия я перестала вылезать из нового красного спортивного костюма.

Во время лепки своей русалочки я села прямо перед окном, а слева от меня сидит угрюмая девочка Алиса, с которой мы дружим. Алиса, взглянув на желтую заготовку туловища и двух шариков – будущих рук моей русалочки, стала хихикать:

– Что это ты лепишь?

– Не скажу!

– Говори, или я всем расскажу, что ты лепишь мальчиковскую письку! – лезет под руку Алиса.

– Нет, ты что?! Это не писька! – хихикаю я растерянно над смешным словом – Подожди немного... Не говори никому! Пожалуйста! Я сама пока не знаю... Смогу я слепить, что хочу... – взмолилась я.

Дружба с Алисой и еще несколькими ребятами заключалась во взаимовыручке и взаимопонимании. Я, как и Алиса, была такой же хмурой и напряженной. И я была в курсе откуда и как шестилетняя Алиса узнала об отличительных признаках мальчиков.

Наша небольшая компания состояла из девочек и мальчиков, и мы любили вместе играть, но игра не была единственным фактором, объединившим нас. Несколько мальчиков и девочек из нашей группы терроризировали всех детей. Мальчики врывались в туалет со спущенными штанами, демонстрируя свои половые органы, или просто пытались посмотреть на девочек без трусов. Девочки из их шайки забегали в туалет к мальчикам с аналогичным поведением.

Дети в группе делились на тех, кому не стыдно было жаловаться взрослым на происходящее в группе – их не трогали; на одну девочку с гнилыми зубами, странным смехом, без конца сующую пальцы с грязными ногтями в нос в поисках очередной козьявки, которую она съест... Эта девочка всегда была готова с радостью самостоятельно где угодно задрать свою юбку, легко заходила в туалет к мальчикам и не была против, когда заходили к ней. А мы с Алисой были в числе детей, стыдящихся жаловаться родителям и воспитателям. Но и происходящее нам не нравилось, поэтому мы друг друга охраняли.

Однажды, почти все из нашей сплоченной компании заболели и в группе остались только мы с Алисой. Она храбро сдерживала натиск малолетних эксгибиционистов, пока я была в дамской комнате.

Алиса не смогла одолеть четырех мальчиков и двое из них схватили её в предбаннике у раковины, а двое других ворвались в туалет в момент, когда я закончила свои дела и приступила к мытью рук.

– Ага попалась! – с ехидной ухмылкой заявил Коля, приближаясь ко мне. Второй покрупнее – Боря, с заедами вокруг рта, хихикал и суетился.

Я не дружила и не играла с этими неприятными типами и всегда обходила их стороной. Два хулигана, улыбаясь медленно приближались. Один поглядывал на дверь, другой потирал руки. В их бешеных и жадных глазах я видела огромных страшных чудовищ. Играть в их странные игры мне не хотелось, поэтому я стала обливать мальчиков водой и пытаться убежать. Но внезапно меня прижали к стене.

Тот который с заедами держал мои руки и старался закрыть своей крупной липкой ладонью мой рот, а второй пытался залезть под платье и стянуть колготки. Я брыкалась, пыталась царапаться и кусаться. Алиса вырвалась из предбанника старалась мне помочь и побежала за воспитательницей, а я продолжала сопротивляться. Эти двое не смогли получить желаемого, зато я получила удар кулаком в живот.

Ударил Коля, пытавшийся стянуть колготки и залезть под платье. В момент удара время остановилось. Я успела удивиться тому, что меня ударили в центр живота, под ребра, а отдача пришла в горло.

Хулиганы исчезли, а мое онемевшее тело безвольной сопелькой сползло по стенке на холодный мокрый пол. От незнакомой тупой боли всё ватное и мутное.

Я стала ждать маму. Жду, что она придет и успокоит меня. Жду, что хоть кто-то из взрослых войдет в этот туалет, обнимет меня и скажет: “Бедная девочка! Как же эти негодяи тебя обидели?! Сейчас мы их вместе отлупим и поставим в угол!”.

Чтобы взрослые, которые обязательно придут, сразу увидели, как мне больно, я выдавливала из себя слезы. Но слезы почему-то так и не появились. Не пришли и взрослые.

Пришла ярость. В груди и плечах разгорелась злость и мне срочно захотелось вернуть боль из своего живота гадкому мальчику!

Благодаря старшим сёстрам я научилась давать сдачи. Будучи самой младшей в семье, я подвергалась дискриминации со стороны сестер на основании малenькости и возраста. Поскольку я не была способна обидно и остроумно отвечать на издевки и гадкие шутки старших сестер, то лезла драться.

Да, в отношениях со старшими сёстрами, как и во многих других семьях, где у родителей есть заботы важнее детей, процветала дедовщина. Самая обычная дедовщина, какая бывает в отношениях сильный – слабый, старший – младший, старенький – новенький... В семьях дедовщину часто провоцируют родители.

Своим примером, равнодушием, отстраненностью от проблем детей, неумелым распределением внимания и тепла между старшими и младшими, родители взращивают соперников, а в крайнем случае врагов. Нет, мы не сдружились против отстраненных родителей, которые часто ссорились, а пошли другим путем...

Для сестер врагом и злодеем, укравшим все родительское внимание была я. Поэтому часто за спиной родителей я подвергалась издевательствам, жестоким шуткам, газлайтингу, физическому насилию. Когда не удавалось себя защитить, я жаловалась маме, которая просто начинала на всех кричать, отчего ситуация надолго не менялась...

Со временем я научилась давать сдачи. Как мне казалось, в десять раз сильнее и гаже самой обиды! Пользуясь привилегией жертвы и младшего ребёнка – я не знала ни меры, ни наказания впоследствии. В попытках постоять за себя, я использовала руки, ноги, ногти, зубы, обман и выжидание наилучшего момента для отмщения. Под состриженными под ноль ногтями всё равно оставалась кожа и кровь сестер – что являлось показателем удавшейся мести. В детском саду о моей способности давать сдачи не знали.

Пока Алиса дожидалась воспитательницу, занятую очередным очень важным совещанием в кабинете заведующей и затем рассказывала Карине Юрьевне про похождения хулиганов, я немного пришла в себя. Поняв, что жалеть и спасти меня никто не придет, я отправилась самостоятельно давать сдачи.

Карина Юрьевна оказалась в группе аккурат во время спарринга. Точнее это был не совсем спарринг. Я как-то вцепилась ногтями и зубами в Колю, набросившись на него со спины. Колочу его, тяну за волосы, царапаю, пока он пытается меня скинуть... Мне нужны кровь и слезы моего обидчика – подтверждение его боли. Но эти мои проклятые передние зубы, выпавшие так не вовремя, мешают хорошенько его укусить!

Вместо нашей воспитательницы – большой недовольной куклы с желтыми волосами – в группу пришел ужасный и безобразный Фрэдди Крюгер. Он схватил меня грубо своими когтями сзади, оттащил от мерзкого мальчика и начал ругать скрипучим голосом. Коля скривил несчастное лицо, стал ныть и плакать без слез. Фрэдди притащил меня в угол стыдил и ругал при всех, обещал съесть меня по кусочкам вместе с Джеком Потрошителем, вампирами и полтергейстом, несмотря на заверение Алисы, что я давала сдачи. Из-за спины страшного Фредди Крюгера гадкий Коля корчил мне рожи, что было ещё обиднее.

И так не вовремя по моим щекам ручьями хлынули горькие слезы, которые теперь я хотела сдержать, но не могла! Было обидно, болел живот, сложно было разогнуться и выпря-

миться, но Фредди рычал всякий раз, когда я невольно сгибалась от боли: “Стой ровно, не притворяйся!”. Я готовилась, что ещё и мама меня будет ругать... Дальше густой липкий туман.

Возможно, позже воспитательница поверила в то, что я защищалась, освободила от наказания и попыталась меня успокоить. Но также возможно, что в скрюченной позе, несправедливо наказанная, в углу я провела остаток дня.

С тех пор я ходила в туалет только во время сон часа. И для этого нужно было отпрашиваться у воспитателя... А недовольная Карина Юрьевна, сидящая надзирателем за столом, еще больше раздражалась и всякий раз щедро осыпала меня замечаниями. Однако мне было легче пережить ее упреки, чем снова самостоятельно защищаться от хулиганов и после быть наказанной.

Также я перестала просить маму одевать меня в нарядные и очень любимые мною платья, которые присылали родственники с материка. Я полюбила свой новый красный спортивный костюм. Носить этот костюм прежде я противилась, ведь только мальчики носят брюки... Но вскоре, я настолько срослась с великоватым мне костюмом, что мальчик из группы Олег все чаще, с надеждой спрашивал, когда же я снова надену свои красивые платья.

Всегда серьезный, он заразил меня интересом к мультиту “черепашки ниндзя”, рассказывая мне о них без конца; утешал, когда я стояла под дверью заведующей, ожидая свою русалочку, звал меня в группу и предлагал свою игрушку – кого-то из черепашек. В его фамилии было что-то от африканской зебры. А когда у меня разболелся живот, и я осталась в группе одна Олег тревожился, забегал в группу и спрашивал почему я лежу, когда все гуляют... Позже мы очутились с ним вместе в пятом классе, затем в одиннадцатом. Окончив школу, мы общались с Олегом по несколько раз в год, и его внезапный уход из жизни в двадцать шесть лет сильно меня потряс. Моя способность проживать потери и утраты была сильно сломана с двенадцати лет.

После нападения в туалете я провела дома несколько дней. А когда вернулась в детский сад в своем новом костюме, во время завтрака у меня заболел живот. Боль была так сильна, что пришлось преодолевать убеждение “жаловаться стыдно”... и убежать от противной и равнодушной воспитательницы к маме на работу. С обидчиком, который ударил меня, и не понес наказания, поговорила одна из моих старших сестёр, и он ко мне больше не приближался.

Карина Юрьевна выросла до заведующей в том же самом детском саду. Скольких детей, кроме меня, она травмировала своей халатностью неизвестно. Не исключаю, что действовала она по уставу и такие черты характера, как равнодушие и грубость важная составляющая для воспитания удобных людей.

Взрослые свое детство словно не помнят. Или делают вид, что не помнят свои обиды, страхи, боль. И как будто рассчитывая на такую же забывчивость своих и чужих детей, подвергают их жестоким испытаниям. Понимание, уважение и сочувствие подменяются взрослыми наказанием, недоверием и осуждением...

Я пришла к специалисту и началась работа с детством. Результаты этой работы меня поистине удивляли. Психотерапия помогла встретиться с вытесненным и понять причины защитного механизма... Когда возникает вопрос закрасить травматичное воспоминание густой черной краской и жить дальше или сломаться в связи с травмой и потерять связь с реальностью, выбор очевиден. Память, как и психика, удивительный отдельный орган со своим филигранным механизмом. А мозг усваивает информацию посредством всего тела. Я не предполагала, что человеческая память способна “воспроизводить” боль, сохранять ощущения в руках, в кончиках пальцев, в моторике. Через органы чувств запускается машина времени. Триггеры— запах, цвет, звук...

Момент с русалочкой в руках воспитательницы я помнила фоново всю жизнь и “как бы гордилась” – ведь это была лучшая работа и именно поэтому воспитательница отнесла ее в кабинет заведующей. Признание. Но вот это “как бы гордилось” мешало. По неясным причи-

нам я чувствовала себя грязноватой и оплеванной. Мне было стыдно гордиться собственной работой. Она как будто была не моя, но я не углублялась в воспоминания и не искала причин иррационального стыда... Само собой появилось убеждение: самовыражение равно потеря, стыд, боль точка.

Зачем взрослым работа ребёнка? Разве можно совершать преступление по отношению к человеку только потому, что он является слабым, беззащитным, и не сможет никак оказать равноценного сопротивления? Почему воспитательница и заведующая не осознавали своих действий и их последствий?

Мне их мотивы до сих пор не ясны, хотя всё ещё интересны... Зато, благодаря этому переживанию я сделала бесценные открытия. Первое не очень – дети в постсоветском пространстве больше всех страдают от эйджизма, подвергаются дискриминации на основании возраста... Дети самая беззащитная и уязвимая часть общества, а детство самая опасная часть жизни.

Последующие открытия лучше: ребёнок – это уже человек. Каждый человек с рождения является индивидуальностью, с уникальными зачатками будущей личности, со своим неповторимым характером, чувствами, эмоциями, переживаниями, границами и потребностями; с наличием или отсутствием стрессоустойчивости; каждый человек с рождения заслуживает уважения.

Топливо.

После завтрака в детском саду у меня заболел живот. Боль была так сильна, что мне пришлось преодолевать убеждение «жаловаться стыдно», чтобы рассказать о своей беде воспитательнице. Среди детей не престижно быть «ябедой», но и терпеть боль я не любила.

Для меня, получившей в наследство от отца трудные отношения с буквой «р», любое обращение к той воспитательнице было мучением, а для неё иногда – забавой, а иногда – раздражением. Карина Юрьевна.

За порядком она следила менее тщательно, чем ее старшие коллеги.

Похожая на огромную куклу с пушистыми светло-жёлтыми волосами и толстыми губами, Карина Юрьевна имела сутулую спину, уставший взгляд и недовольное выражение лица, словно мы все были её личной обузой.

Воспитательница, выслушав о моем недомогании с серьёзным видом, отправила меня полежать, и я послушно направилась в кроватку. В это же самое время вся группа собиралась гулять. Вдруг все исчезли! Карина Юрьевна, нянечки, дети... Абсолютно все! Я осталась одна!

Брошенная и обиженная, лёжа в кроватке наедине со своей болью, я прошла через сомнения, страх... И решила, что мне срочно нужно к маме!

Мама была самая красивая, мягкая и тёплая, с черными, вьющимися волосами, полукруглыми бровями над выразительными карими глазами с ресницами, как у коровы. У неё были большие красные губы и несколько очень красивых золотых зубов! Иногда старшие сёстры делали себе и мне почти такие же зубы из серебристой фольги... Орлиным носом и смуглой кожей мама была похожа на старых цыганок, которых мы иногда встречали в нашем районе, когда возвращались из детского сада.

– Гляди, как они на тебя смотрят! Пойдешь жить к ним? – пошутила она однажды зимой.

Две цыганки в пуховых платках шли навстречу к нам, смотрели на меня улыбаясь и, когда мы поравнялись, воскликнули:

– Это же наша девочка?!

– Ваша, ваша! – пошутила мама.

Тогда они спросили меня:

– Пойдешь с нами?

Я испугалась, спряталась за маму, а они все вместе рассмеялись...

Обычно мама была задумчивой. Часто она сердилась, или ругала старших сестёр, или ссорилась с папой. При этом она с энтузиазмом боролась с моими аллергиями и диатезом, следила за моей диетой, готовила жгучие мази и водила к врачам. А мои интересы, увлечения, желания, потребности, проблемы и очень важные вопросы оставались без её внимания и участия...

В моменты моих болезней она переживала и заботилась ещё активнее. Могла лишней раз приложить свои тёплые, мягкие губы к моему лбу, чтобы проверить температуру.

Да, я твёрдо решила, что мне нужна мамина забота! Нельзя было терять драгоценный момент недомогания! Я была уверена, что мама разберется с моей невыносимой болью, с брошенностью, защитит меня и успокоит! Поэтому я встала и пошла.

Кое-как разогнувшись и сдерживая гримасу страдания, я вышла на улицу, чтобы “отпроситься” у воспитательницы к маме на работу, уверяя её, что знаю дорогу. Естественно, Карина Юрьевна никуда меня не отпустила. Но, отметив, что я бледна, стала звонить маме. Дозвониться не смогла, поэтому отправила меня в группу.

Я послушалась и пошла. Только, пройдя мимо входа, очень неожиданно для себя оказалась между кустами и забором.

Бетонный забор был высоким, но не самым высоким из тех, что я видела раньше. Изучала я свой забор долго. Ажурный забор был выше меня почти в 2 раза: состоял из множества вытянутых по вертикали бетонных ромбиков, соединенных друг с другом в четырех горизонтальных рядах. Между этими ромбиками были отверстия такой же формы. Снова сомнения и страх...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.